

Сергей Трунин

*Белорусский государственный университет***ПАРАЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ****(на материале романов «Бесконечный тупик» Д. Галковского
и «Учебник рисования» М. Кантора)**

Современная русская литература, характеризующаяся эклектикой жанров, стилей, писательских стратегий, обновляется не только за счет новых тем, проникающих в литературу благодаря изменению социального пространства, но и за счет внутрилитературных процессов, не всегда заметных читателю. На рубеже XX–XXI вв. в попытке выработки новой художественной системы в литературе активизировалась интерференция художественных систем, границы между различными направлениями становятся все менее заметны. Постмодернизм как состоявшаяся (и, в определенной степени, «отработанная») художественная система оказывает влияние на модернизм и реализм. Разговор о «диффузных зонах» в литературоведении поднимается чаще; возникает целый ряд текстов, созданных на стыке различных поэтик (например, «Суперженщина» Ю. Дружникова, «Рубашка» Е. Гришковца и др.).

К сожалению, современная критика не всегда выполняет свои функции. Большинство критиков в своих статьях делают упор на пересказ текста, не углубляясь в его особенности. В лучшем случае разговор идет об идее, жанре, системе персонажей, литературном контексте. Многие пласты произведения оказываются незамеченными критиками, особенно это касается паралитературных произведений.

Паралитература как ответвление постмодернизма долгое время занимала маргинальное положение в литературном процессе и характеризовалась высокой степенью герметичности. Паралитературные стратегии (в первую очередь «сращение» художественного и нехудожественных дискурсов и существование их в тексте на равноправных позициях) были под силу лишь нескольким писателям-постмодернистам. Наиболее заметные романы этого направления – «Бесконечный тупик» Д. Галковского и «Желтый Дом» Ю. Буйды – удачно передавали многосторонний авторский замысел. Так, в «Бесконечном тупике» помимо художественного присутствуют и активно взаимодействуют между собой 4 нехудожественных дискурса:

- 1) философский;
- 2) исторический;

- 3) культурологический;
- 4) литературоведческий.

Границы между ними часто отсутствуют, в результате чего Галковскому удается стереоскопический взгляд на факты и явления, ставшие объектом авторской рефлексии в произведении. Писатель-философ первым в современной русской литературе осуществил ревизию всего русского XX века – его истории, философии, культуры и литературы.

Роман М. Кантора «Учебник рисования» принадлежит к реалистической художественной системе, что, однако, не помешало автору воспользоваться рядом паралитературных стратегий, привнесенных постмодернизмом. Помимо разветвленных сюжетных линий, составляющих обширное художественное полотно произведения (общий объем превышает тысячу страниц), в романе представлена попытка ревизионистского подхода к современной действительности. Он осуществляется посредством детального анализа небольшого промежутка времени: с 1985 по 2005 г. Параллельно с художественным в романе присутствуют 4 нехудожественных дискурса:

- 1) искусствоведческий;
- 2) исторический;
- 3) политологический;
- 4) социологический.

Таким образом, несмотря на большой объем произведения, взгляд Кантора в сравнении со взглядом Галковского более сужен; хронологически ревизия затрагивает лишь рубеж веков, и в социально-политическом плане Кантор ангажирован. Результат оказывается различным: если «Бесконечный тупик» фрагментирован внешне, а внутренне обладает высокой степенью спаянности всех частей, то «Учебник рисования» репрезентирует другую картину – внешне имеет стройную линейную композицию, но внутренне роман фрагментирован; используемые Кантором нехудожественные дискурсы мало пересекаются и часто объединены механически, без логических переходов.

В заключении все же следует отметить продуктивность используемых обоими авторами подходов, т. к. они обновляют литературу: Галковский – постмодернистскую художественную систему, Кантор – реалистическую.

Литература

1. Галковский, Д. Бесконечный тупик: в 2 кн. / Д. Галковский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Изд-во Дмитрия Галковского, 2008. – 2 кн.

2. Кантор, М. Учебник рисования: в 2 т. / Максим Кантор. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 2 т.

Екатерина Хальпукова

Белорусский государственный университет

О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЗМА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Начало XX века является одним из кульминационных периодов в развитии русской и белорусской культур. Атмосфера пограничной эпохи с ее сложным переплетением декадансных и возрожденческих тенденций способствовала ремифологизации действительности. Циклическая концепция времени мифологической картины мира создавала иллюзию стабильности и упорядоченности бытия, заключающуюся в преодолении деструктивной направленности истории через возрождение жизненных циклов. Мифологизация пространства как «один из способов создания метафизического пространства» [7, с. 358] позволяла ориентироваться в нем и гармонизировать сферу личностных интересов.

Актуальность данной проблематики определяется тем, что, во-первых, отличительной чертой и русской, и белорусской культур начала XX века является мифологизация действительности (ситуация в значительной степени повторяется в начале XXI века); во-вторых, мифопоэтика занимает центральное место в парадигме современных гуманитарных наук в связи со спектром философских, культурологических, филологических, религиозных, искусствоведческих аспектов, которые составляют проблемное поле мифотворчества, потому изучение ее необходимо для понимания мировоззренческих основ начала XXI века.

Специфика мифологизма в русской и белорусской литературах начала XX века обуславливалась особенностями как внутрилитературного, так и национально-культурного развития. У русских модернистов мифологизм имел абстрактно-символистский характер, в белорусской литературе – определялся в основном фольклорной образностью («беларуская літаратура пачатку XX ст. перажывала перыяд найбольш інтэнсіўнага ідэйна-мастацкага асваення міфалагічнай і фальклорнай спадчыны» [3, с. 226]). Мифологический код, как моделирующая система, в русской культуре был представлен синтезом искусства, науки, религии, стремлением «к гармонии веры и рассудка» [4, с. 47]. В богоискательстве русской интеллигенции «переименование христианства стало одной из важнейших черт модернистской духовности» [5, с. 22]. Белорусская